

ЕЩЕ ОДНА СТРАНИЦА ДНЕВНИКА

Когда в руки тебе попали хорошие стихи, размышлений хватит не на один день. Я это поняла еще раз, когда, вперемежку с дискуссионными статьями о поэзии в «Литературной газете», прочла сборник стихов В. Гнеушева «Последний автобус». Размышления про себя — это одно, размышления вслух — это другое. Ошибаются те, кто думают, что «критиковать» произведение легче, чем его создавать.

Первый вариант рецензии начинался так: «Я не знаю, сколько раз рождается человек, я знаю, что всегда он рождается в муках... Громкие слова давно не пользуются популярностью. Их стыдятся. Но скамья, на которой я уже месяц отдыхаю в больничном сквере, стоит под ивой, напротив — трогательные, как первоклассницы, тонюсенькие березки, еще только прислушивающиеся к наступившей осени, да нет-нет всплывает в памяти вопрос врача: «Когда вы впервые почувствовали, что у вас есть сердце?» — все это как-то удивительно настраивает на философский лад, а тут уж без громких и красивых фраз не обойдешься».

И я сказала эти красивые фразы. И беда не в том, что они были красивыми, беда в том, что были они жестокими. И это тоже дало пищу для размышлений. Очевидно, как не стремится человек быть объективным, все же его субъективное состояние скажется обязательно.

Прошло время. Листья берез, еще не опавшие, покрылись первыми

нежданными снежинками. Были споры с друзьями, состоялось непосредственное знакомство с поэтом (я была в семинаре, которым он руководил). Много было такого, что помогло появиться третьему варианту моей рецензии.

Я сбилась со счета, сколько раз перечитывала стихи. Основное впечатление осталось тем же: человек рождается в муках. Осталось и противоречивое отношение почти к каждому стихотворению. Попробую уже спокойно, поделиться теми мыслями и чувствами, которые вызвал у меня новый сборник стихов В. Гнеушева, разобраться, почему он вызвал у меня такое сложное отношение.

Мне пришлось рецензировать предыдущий сборник поэта, вышедший в 1966 году. Обычно пишешь о том, что тебе самому в какой-то степени близко. И появляется такое ощущение, что ты чуть ли не соавтор того, о ком питаешь. Во всяком случае остается несколько пристрастное отношение к дальнейшей судьбе автора.

Мне импонировал лирический герой В. Гнеушева. Те недостатки, которые были у него и о которых я не писала: немного рисовки, самовлюбленности, кокетничанья, игра словами — не отталкивали, они так естественны для молодого человека, живущего отнюдь не в ту эпоху, когда старость и мудрость приходят преждевременно. Герой был по-настоящему молод и заражал своим оптимизмом: в каждом из нас очень долго жива своя бригантина...

И вот вторая встреча, через пять лет. Новый сборник состоит наполовину из новых, наполовину из старых, уже публиковавшихся стихов. Трудно сказать, какое впечатление произвел бы па меня этот сборник, если бы я познакомилась с поэтом впервые. Я с удовольствием прочитала те стихи, которые уже однажды и навсегда вошли в твой собственный эмоциональный мир («Сирень в провинциальном городке», «Апрель». «Творчество». «Для каждого из нас», «Июньский ливень», «Над

Москвой шел снег», «Над прибоем стоим»), но невольно сосредоточила внимание на новых стихах. Если ожидать от поэтов в каждом новом их сборнике нового поэтического взлета, новых успехов в совершенствовании поэтического мастерства, то с этой точки зрения новый сборник В. Гнеушев не потрясает: новые стихи не выделяются на фоне «старых». Так же есть удачные и менее удачные и стихи в целом, и отдельные строчки. На первый взгляд и в тематике мало что изменилось: и новые и старые стихи — лирические, воспевающие любовь, верность, дружбу, природу, Родину. И тем не менее остается впечатление, что встретился с другим человеком, похожим на прежнего и непохожим, прочел еще одну страницу дневника.

Очень трудно писать о лирике.

В предыдущей рецензии я говорила о том, что лирически герой В. Гнеушева молод, он все еще только на пути к цельности. Еще шаг на этом пути сделал герой — такое впечатление от новых стихов.

«Не красота ведет нас дальше в горы, а все еще желанье красоты», — говорил он когда-то другу, и в этом был весь он. Погоня за идеалом прекрасного, уверенность, что это прекрасное есть, оно где-то впереди, ежеминутное его ожидание — как это свойственно молодости. Но вот наступает момент, когда человек делает открытие: оказывается, это очень туманно представляемое прекрасное совсем не в заоблачных высях, куда ты все время стремился, оно было рядом с тобой, но ты беспечно покидал его, думая, что ценил, даже отдал дань стихами. Переоценка ценностей... Древняя, как мир, история. Но каждый переживает ее в свое время. И по-своему.

Переоценка ценностей — вот что происходит с лирическим героем В. Гнеушева в данный момент. И это то, что радует. Но как сложен этот путь.

Величайшая из человеческих ценностей — любовь. О ней лучшие стихи, лучшие строки:

Если ты не забудешь, — останутся
яркими зори,
Не состарятся годы,
Исчезнут ленивые будни.
Будет солнце гореть
и поскрипывать галька,
и море
Будет вечно греметь для меня, если ты не
забудешь.

(«Над прибоем стоим»)

Я о тебе люблю воспоминанья
Сильней и чище,
Чем тебя любил.
(«Чтоб я ни начал делать»)

Вместе с героем мы прошли через радости и горести его трудной любви, радовались его непридуманному оптимизму. Вспомним мажорный конец стихотворения «Июньский ливень»:

Так пусть наполняются встречею каждой
Открытой души океанские глубины.
Меня-то ведь тоже полюбят однажды.
Еще я не знаю когда,
но полюбят!

В новых стихах перед нами вдруг встает иной человек, «все растерявший... не имеющий веры на ласку к жене или маме», потерявший «надежду на надежду», бесконечно одинокий. Это не может не вызвать сочувствия (у кого не бывает трудных минут), тем более, что герой не просто плачется, обвиняя в своих злоключениях толстокожих людей («кожаных сплошь»), друзей, оказавшихся «ненастоящими». Правда, по отдельным строчкам может создаться и такое впечатление, но нет, у человека достает мужества не всем обвинить прежде всего себя:

Мы хотели,
чтобы и в нас, добра и хороша,
в весенние часы
и в дни метели
цвела неистощимая душа.
Не получилось.
Я всему виною.

захочется кому-нибудь говорить об удачных и неудачных строчках, рифмах, размере, потому что по сердцу ударит ощущение — это же твое «личное». Именно так входит в каждого из нас настоящая любовь к природе, к людям, к Родине — через «личное».

Что, кроме уважения, может вызвать человек, несдавшийся невгодам, не ушедший в себя, а пришедший к людям. И пришедший не только с лозунгами и призывами: «Останься верен», «Давайте думать, давайте биться каждый день и час за каждого, товарищи, из нас». Сочувствия и поддержки ждет он от людей, отдавая себя им на суд, в человеческом участии он ищет для себя опору. Вот почему сборник предваряют строки:

Знающий верность, любовь и потери,
в шумных пророчествах не значит,
я как в простейшую истину верю:
слабый — ударит, в сильный — простит.

На этом можно было бы поставить точку: сама я, кажется, разобралась в своих противоречивых ощущениях. Правда, я сказала, что почти каждое стихотворение вызывает у меня противоречивое отношение. Я могла бы показать это, перечислив строчки, которые коробят, назойливо повторяющиеся образы, бедные рифмы и так далее. Противоречивое отношение вызывает у меня «философские» стихи («Олененок», «Размышление», «Давайте думать...», «Россия»); принимая философию автора, я считаю, что философские стихи у него как раз самые слабые, многословные и холодные. В стихотворении «Россия» автор рассказывает о встрече с эмигрантом, тоскующим о родине, эта встреча заставила автора острее почувствовать свою связь с родиной. «Лунный свет над головой в долине детства», который помнит старый эмигрант «последней, горькой каплей сердца», я увидела. Все остальное оставляет равнодушным, даже уверение:

И потому теперь живу,
не подвергающийся модам,
любя Россию, как жену,
тепло земли
и запах меда.

Дело даже не в том, что любовь к родине, земле уже сравнивали, и не раз, с любовью к жене. Дело в том, что от строк, например, В. Луговского «Люблю тебя, люблю тебя, земля! Жена моя, тоска моя и радость», пробирает дрожь. Потому что иной контекст, иной накал чувств, потому что — поэзия. Что ж, и у хороших поэтов бывают «холостые выстрелы». Самым завершённым из новых стихов В. Гнеушева, на мой взгляд, является стихотворение «Уезжаю». Оно так построено, что «философия» его ненавязчива и убедительна.

Вот теперь, действительно, можно было бы поставить точку. Но я не могу не сказать о стихотворении, которое камнем упало на другую чашу весов и легло в основу первого варианта моей рецензии, сделав ее ироничной и жестокой. Оно стоит почти в конце сборника и буквально разбивает тот образ лирического героя, который создан в твоём воображении, и против этого восстаешь всем своим существом. Я имею в виду стихотворение «Память». Однажды, на одном из полустанков, герой в шутку доверился цыганке, и вот что поведала она о его «глухой судьбе»:

Жизнь — туман. Ручей безвестный.
Черный хлеб в конце трудов.
Ты не бойся горной бездны,
бойся только городов.

Не езжай туда, родимый,
там лишь суетность да ложь.
Там с душой твоей ранимой
ты навеки пропадешь...

Но «родимый» пренебрег советом
кудесницы «и — счастливо пренебрег»:

Много знал я в мире этом
оглушительных дорог.

Города меня встречали,
забирая целиком,
то цветами на причале,
то в шашлычной коньяком.

Правда, «сквозь коньяк и сквозь
крюшон» герою показалось, что он
потерял «в чем-то малость, а потом опять
нашел». А если не «сквозь коньяк», то
малость, возможно, была не малостью?
Очевидно все же, что потерянное
потеряно, и отнюдь не «малость», если
герою, сумевшему (несмотря на
ранимость души) приобрести «дом,
машину и друзей», вдруг захотелось по-
жить с «чистым сердцем» на забытом
полустанке:

Чтобы мои покрылись ноги
пылью тепло-золотой.
Чтобы тополь у дороги
пел серебряной листвою,
чтоб услышать от цыганки
Каплю правды иногда...

Сомнений относительно
потерянной героем «малости» больше
нет: он потерял самого себя. И виною
всему лживый город. Непонятно только,
для чего поэт подбросил своему герою
словечко «счастливо» в сочетании со
словом «пренебрег». Ведь над героем
тяготеет неодолимая, прямо-таки роковая
сила:

Но — все реже полустанки,
И — все чаще города.

Можно понять разочарование
читателя в герое, которому он когда-то
поверил. Герой, грубо говоря, надул его.
Ну, что ж, с кем не бывает. Это можно
понять и простить. В конце концов, еще
неизвестно, что лучше — бригантина или
машина. «Не место красит человека» —
говорит народная пословица. Хуже
другое: свою душевную опустошенность,
трагедию свою герой объясняет...
поглощением полустанков городами, «в
новых домах, в которых старым
чувствам места не дано» (об этом гово-
рится в другом стихотворении),

фатальной неизбежностью потери
сердечной чистоты с приобретением
дома и машины.

Хочется думать, что
стихотворение это — просто дань одному
из настроений. Но есть ведь люди,
которые готовы под свои неблагоприятные
поступки подвести подобную
философскую базу, в своей пассивности,
слабоволии обвинить кого угодно и что
угодно, но только не себя.

Я глубоко уверена, что настоящим
поэтом может быть только настоящий
человек. Это первое условие. Только
душа, уязвленная неподдельным
чувством, может рождать поэтические
звуки и отклик на них. Без этого нет
поэзии. И как невыносимо стыдно читать
произведения, сделанные в минуты
душевной пустоты, «без божества, без
вдохновенья», когда растеряно то ценное,
что было когда-то в этой душе, но
самолюбие и жажда самоутверждения
заставляет создавать видимость своей
значительности.

Я далека от мысли, что делаю
открытие, но иногда банальные истины
оживают вдруг, будоражат, заставляют
бросить взгляд и в себя, и вокруг себя...

В стихах В. Гнеушева бьется
очень пронзительное, очень человеческое
чувство, еще в чем-то беспомощное, но
набирающее силу. Это позволяет быть
спокойным за судьбу этого поэта.

Мне хочется закончить свои
размышления словами Евгения
Винокурова, принявшего участие в
дискуссии о содержательности поэзии
(«Литературная газета» № 39, 1971 г.):
«Поэт, открывая себя как человека,
открывает нам мир людей... поэт — это
источник мыслей».

ЛИДИЯ АНОХИНА.